

ПАРАДИЗ В ГЕОГРАФИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

МАРИЯ СМОРЖЕВСКИХ-СМИРНОВА

11 октября 1702 г. русскими войсками была взята крепость Нотебург. В Северной войне эта победа стала для России первой на территории Ингерманландии и итоговой в военной кампании 1702 г. Островная крепость Нотебург, известная по русским летописям как Орешек, имела большое стратегическое значение: она находилась в самом истоке Невы из Ладожского озера. В период Смутного времени крепость отошла к Швеции.

Петр I, принимавший личное участие в осаде и 12-часовом штурме, так сообщал о взятии Нотебурга своим корреспондентам:

помощию победодавца Бога, крепость сия, по жестоком и чрезвычайно трудном и кровавом приступе <...> здалась на окорт. <...> Хотя и бывали у дела аднако сие кроме всякаго мнения человеческого учинено, но токмо единому Богу в славу сие чудо причесть [ПБПВ: II, 91, 93].

Через три дня по взятии Петр переименовал крепость в Шлиссельбург, из «Ореха-города» в «Ключ-город». Новое название прямо указывало на стратегическое значение крепости, открывавшей для России течение Невы и дорогу к Балтике. Теперь интерес Петра и основные силы русской армии были сосредоточены именно на этом направлении.

Взятие Нотебурга, как и надежды на дальнейшие завоевания в Ингерманландии, стали центральными темами в торжествах, прошедших по традиции в Москве: триумфальном «вшествии» победителей в Москву 4 декабря 1702 г. и новогоднем фейерверке 1 января 1703 г.¹.

¹ Так, на одном из транспарантов фейерверка был представлен двуликий Янус с ключом в одной руке и замком в другой. Над-

В день Нового года в главном кафедральном храме Москвы — Успенском соборе состоялось праздничное богослужение, во время которого местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский обратился к победителям с торжественной речью. Свое слово митрополит Стефан назвал «Колесница торжественная» и, как следовало из вступления к слову, посвящал его сразу нескольким значимым событиям. Во-первых, Яворский говорит слово на «преславный и всерадостный вход в царствующий град Москву» царя Петра; Петр возвращается «по многих преславных победах и по пленении удивительной крепости Слюшенбурга». Во-вторых, слово посвящено Новому году «от Рождества Христова 1703». В-третьих (эта тема не обозначена во вступлении, но она появляется уже в самом начале), в слове говорится об Обрезании Господнем, отмечаемом церковью также 1 января [Яворский: 140–141].

Перед слушателями (среди которых был и «непреодоленный врагов поборник» царь Петр [Там же: 140]) возникал целый ряд разных сюжетов и событийных пластов: триумфальный (торжественное «вшествие» в Москву); светско-календарный (праздник Нового года) и сакрально-календарный (Обрезание Господне). В слове Яворского все эти сюжеты были объединены и представлены слушателям в совершенно особом пространственном ракурсе.

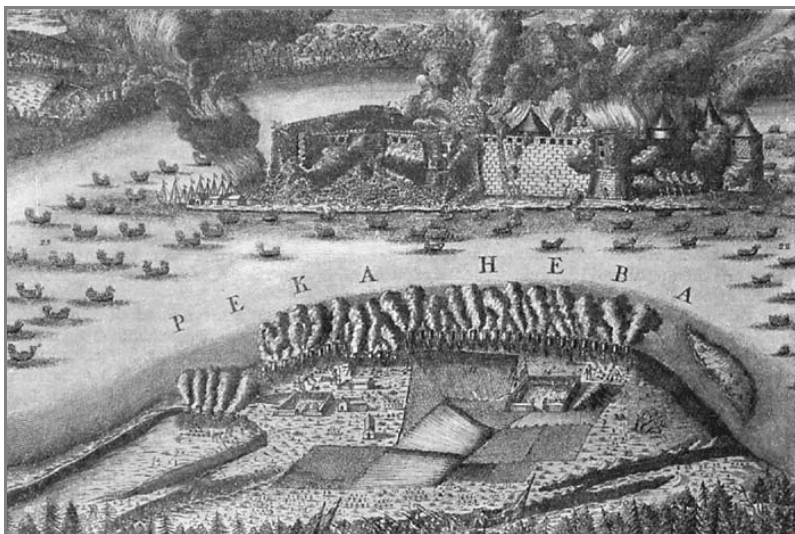
Слово начинается с цитаты из пророчества Иезекииля, где описана мистическая колесница:

<...> и бысть рука Господня на мне, и видех, и се ветер воздвижеся, и грядяше от севера, и облак велик в нем, и свет окрест его и огонь блистася, и посреде его яко подобие четырех животных, и подобие лица их: лице человеческо, лице львово, лице тельчье, лице орлее. И видех, и се видение колес четырех, на четыре страны, и колеса те бяху полна очес: и внегда шествоваху животная,

пись «Богу за сие благодарение, о сем прошение» поясняла, что благодарить следует за взятие Нотебурга, который является «ключом-городом», а просить следует о замке — т.е. Ниеншанце, запиравшем течение Невы, и тех крепостях, дорога к которым уже открыта [Погосян: 53; Зелов: 103].

шествоваху и колеса: егда стояху сии, стояху и колеса: егда воздвизахуся от земли животная, воздвизахуся и колеса: яко дух жизни бяше в них и проч. [Яворский: 141].

По нашему предположению, первые строки пророчества могли напомнить стоящим в храме недавние боевые действия в Ингерманландии и взятие Нотебурга так, как оно было представлено на только что появившейся гравюре А. Шхонебека.

Эта гравюра была создана по распоряжению Петра (и согласно его плану) и напечатана в официальных реляциях. Увеличенный рисунок с гравюры был также помещен на один из центральных щитов фейерверка, состоявшегося в день произнесения Яворским проповеди². На этом изображении осаждаемая

² Картины, изображающие штурм крепостей, традиционно украшали триумфальные врата. И хотя у нас нет точных сведений о том, было ли помещено изображение штурма Нотебурга на триумфальных воротах в декабре 1702 г., можно предположить, что к торжественному входу русских войск в Москву эта картина была уже закончена и являлась частью композиции триумфальных ворот. Известно, что работа над картиной продолжалась с конца октября по декабрь.

русскими войсками новая *северная* крепость буквально утопала в облаках дыма и «всполохах» огня. Слова Иезекииля «се ветер воздвижется, и грядяше от севера, и облак велик в нем, и свет окрест его и огонь блистася» довольно точно описывали картину штурма.

За цитатой из Иезекииля следует цитата из Евангелия от Луки: «Обрезаху его и нарекоша имя ему Иисус» [Яворский: 141]. Так в слове появляется сюжет обрезания Господня и наречения имени³. И хотя эта Евангельская история напрямую никак не связана с обретением новых земель и победами Петра, именно сюжет Обрезания Яворский берет в основу своей концепции географического расширения России в Северной войне.

Яворский начинает с простого вопроса: почему Христу нарекают имя во время обрезания, а не тогда, когда «Ангели Слава в вышних ему поют, и пастырие кланяются, егда звезда над вертепом сияет, егда трие цари от Персиды приходят», т.е. почему имя дается не при рождении и «таких светлостях», не при величии и славе, но при истечении «дражайшей крови» [Там же: 142]? История с Обрезанием Христа, — поясняет далее митрополит Стефан, — «нам <...> наука, да уведем, яко высокое имя, высокое титло не без страдания, не без терпения, не без крове: кровию и страданием преданные суть великие имена, титлы и славы <...>, не <...> иною купятся ценою» [Там же]. Эти слова проповедник подтверждает многочисленными примерами из Священного писания, начиная с истории Авраама (Господь дает Аврааму новое имя и с «ним великую честь», но и велит обрезать плоть⁴ [Там же: 142–143]) и заканчивая примером Ветхозаветной скинии, той ее части,

³ Согласно иудейской традиции, обрезание младенца совершалось в храме на восьмой день после рождения. Тогда же, после обряда, нарекалось имя.

⁴ Здесь же Яворский упоминает, что Аврааму Бог повелел возложить и сына Исаака на жертвенный алтарь: т.е. Авраам должен был быть готов дважды пролить кровь своей плоти в жертву Богу — через обрезание себя и затем через заклание своего сына.

которая называлась «Святая святых». Вхождение первосвященника в Святая святых (оно происходило только раз в год) уподоблено в проповеди обретению имени и связано, как поясняет Яворский, с «великим титулом, великой почестью» [Яворский: 143]. Ссылаясь на апостола Павла⁵, проповедник напоминает слушателям, что архиерей входил в эту скинию «не без крове», — приносил на алтарь жертву [Там же].

Но, как и в послании Павла, в проповеди ветхозаветная скиния (скиния земная) — это прообраз Скинии небесной, куда «входит Архиерей небесный, Единородный сын Божий» [Там же: 144]. Здесь же Яворский дает подробное описание небесной скинии, и слушатель узнает, что в ней, как и в земной скинии, есть своя «Святая святых». Это — «бессмертная слава», войти в которую может не каждый (т.е. слава имеет все признаки пространства).

Образ «бессмертной славы» Яворский дополняет описанием вполне предметной преграды, — ворот, которые охраняются небесными вратарями (и это еще одна пространственная характеристика славы). Вратари открывают ворота Христу лишь тогда, когда на свой вопрос «кто есть сей Царь славы», получают ответ: «Господь крепок и силен, Господь силен в брани» [Там же]. «Аки бы рекше, — продолжает Яворский, — сей то преславный Победитель входит в славу, который толь многая претерпел страдания, который преславною над миром, над смертию, над диаволом восприял победу, который кровию своею купил себе великое имяни титул» [Там же]. Далее слушатель узнает, что «бессмертная слава», «святая святых» уготована не только Христу: Яворский приводит строки Апокалипсиса, где рассказывается о многих людях, одетых в белые одежды и стоящих перед престолом Божиим. «Сии суть иже приидоша от скорби великия, и испраша ризы своя в крови Агнчей», — цитирует он Иоанна Богослова [Там же: 145]. Причем скорбь здесь — тоже место, из которого можно выйти (на это указывает и вопрос Иоанна: «кто сии суть, и откуда приидоша?»).

⁵ Яворский ссылается на 9 главу послания к Евреям [Яворский: 143].

Люди, пришедшие «от скорби», попадают прямо к престолу Бога, в «Святая святых». Одежды, убеленные кровью Агнца, — прямое указание на Причастие, на то, что, причастившись крови Христа, человек очищается и избавляется от страданий. Темы бессмертной славы, Причастия и Престола Господня появляются в проповеди Яворского неоднократно. Так, когда Яворский приступает к основной части слова — «Колеснице торжественной», он обращается к победителям-воинам: «Мы же, чем прислужимся вам на сей новый год при сем вашем торжественном и всерадостном в царствующий град Москву вшествии: поставихом вам врата торжественная, в храм бессмертной славы вводящая» [Яворский: 149].

«Врата торжественные» — это, конечно, те самые триумфальные врата, через которые совершали свое недавнее «вшествие» в Москву слушатели Яворского. Однако в ряду уже прозвучавших примеров врата, «в храм бессмертной славы вводящая», прямо соотносились с вратами небесной скинии, вводящими «в славу». Эти же врата имели и прямую аналогию в месте произнесения проповеди — в соборе. Аналогией врат небесных были здесь Царские врата. Через эти врата в праздник Обрезания Господня (очевидно, сразу до или после проповеди Яворского) для Причащения входил в алтарь, к престолу Господню, главный «земной» победитель — царь Петр. Наконец, сама православная Москва становилась в этом ряду аналогом небесного престола и местом славы. Вскоре слушатель узнает, что и вся Россия, встречающая победителей, есть место славы. Россию Яворский называет «царством трехвенечным, три венцы в славу Триипостаснаго единого Божества в себе содержащим». Здесь, с одной стороны, обыгрывается геральдика (три венца двуглавого российского орла), но, с другой стороны, здесь отчетливо звучит и тема Российского царства как земного аналога царства Небесного, где живет Бог — Триипостасный и Трехвенечный (как далее называет его Яворский).

Оказывается, что Петр и в реальном, и в мистическом пространстве Москвы, России и Храма входит во «славу». Как и участники из Откровения, Петр приходит сюда «от скорби

великой», т.е. от тягот войны и последнего тяжелого штурма. Весь этот эпизод строится таким образом, что у слушателей не остается сомнений: российские воины, «кавалеры Российские», обретают для себя и России великое имя, поскольку изливают, как и «Кавалер небесный», кровь:

торжествуйте <...> преславная кавалерия Российская, сердечнии и неустрашенные воины: ваше то ныне празднество, ваша то при нынешнем Спасителевом обрезании изобразуется слава. Изливает кровь свою Кавалер небесный <...> вы такожде защитница наша, слава наша <...> проливаете кровь свою и неприятельскую, но при всем, о коль великое стяжаете титло [Яворский: 148].

Примечательно, что в этом символическом Обрезании Яворский приравнивает излитие «своей» и «неприятельской» крови; т.е. воинам подобает именно такое обрезание. И, конечно, говоря о Кавалере Небесном и кавалерах российских, Яворский также имеет в виду недавно учрежденный орден Андрея Первозванного⁶.

Говоря об Обрезании, Яворский не ограничивается только примерами и аналогиями из Священной истории, но приводит примеры и из других «мирских историй». Так, он перечисляет «первоначальных четырех монархов»: Навуходоносора, Дария, Александра Великого и «Римского Юлия» и признает, что «всех тех высокие титулы бяху не без крове: о всяком можно рещи: и обрезаша его и нарекоша именем» [Там же: 145]. Выбор этих «мирских историй» не случаен: в каждой из них символическое «обрезание» сопровождается и обретением новых земель, т.е. по сути — становлением Империи. На этом прямые намеки на расширение земель прерываются, и Яворский переходит к как будто бы отвлеченным примерам Обрезания «бессловесного естества»:

⁶ Орден Андрея Первозванного был учрежден 30 ноября 1699 г. Первым кавалером ордена стал дипломат Федор Головин в 1699 г., а кавалерским днем стал день памяти св. ап. Андрея 30 ноября. Св. Андрею Первозванному были посвящены две отдельных проповеди Яворского.

...древо изрядные плоды приносит, но впервых обрезаша его. Виноградная лоза прекрасные грозды прорашает, но прежде о колкое терпит обрезание <...> Камень не прежде огонь из себе испускает донележе от твердаго железа претерпит ударение. Тако всяко красота, всяка слава, всякое великое имя <...> аки крин с тернием... [Яворский: 146].

Так и драгоценности, украшающие царскую корону, — алмазы, яхонты, бисер, — они тоже стоят в ряду «обрезываемых» «бессловесных естеств», т.к. претерпевают свое обрезание — огранку. Красная царская порфира, тоже обрезанная, обогрена «кровью излианной» [Там же].

«Кратко рекше, — подводит Яворский итог, — что только есть на всем свете преславно, что есть великое имя <...> все то снискано бывает с великим трудом, с великим терпением и страданием, с кровию и обрезанием» [Там же]. И здесь, словно желая свидетельств от непосредственного объекта обрезания, митрополит Стефан обращается прямо к Российскому царству: «Великоименитое государство Российское, рцы нам откуда имаша толь великое титло». И хотя ответ от лица Великоименитого государства тут же оглашался, он и так был уже очевиден, ведь «бессловесные естества» очень многое рассказали слушателям на языке хорошо им знакомой символической образности.

Так, камень, испускающий огонь, был камень-Петр I; испускание огня — «огненное» взятие Нотебурга (осада крепости сопровождалась сильным пожаром в гарнизоне). Обрезание камня, т.е. удар по камню железом, вполне документально напоминало о неприятельской артиллерии, разгромившей Петра под Нарвой в 1700 г.

Но этот удар по камню-Петру был необходим для «испускания» огня под Нотебургом. Так и камни из царской короны: их блеск достигается военными испытаниями царя — «огранкой»; так же порфира царя обогрывается кровью походов. «Крин» и «терние», упоминаемые вместе, еще раз «говорили» о скинии небесной, поскольку «крин» — райский цветок, а «терние» — страдание.

Обрезанное же дерево, приносящее плоды, и виноградная лоза, «о колкое» претерпевшая обрезание, вместе составляли узнаваемый иконографический сюжет. Есть несколько его изводов, но мы приведем здесь наиболее известный: «Богоматерь Владимирская, или Насаждение дерева Российского государства». Эта икона не являлась царским заказом, и мы даже не знаем точно, была ли она известна Петру (икона была написана Симоном Ушаковым для алтаря московской церкви Троицы в Никитниках), но она отражает сложную историческую концепцию династии, царского рода, которая становится очень важной в эпоху Петра.

На иконе изображено Российское государство в виде дерева и — одновременно — виноградной лозы, «произрастающей» из Успенского собора Кремля. Рядом с «насаждающими» дерево Иваном Калитой и митрополитом Петром — царь Алексей Михайлович, царица Мария Ильинична и их сыновья Алексей и Федор. В центре Древа — икона Владимирской Богоматери. Ветви древа Московского царства украшают плоды — князья, цари и святые земли русской (т.е. княжение, царство и святость). Все это составляет «великое титуло государства Российского» так, как описано это «титло» Яворским: «откуда имаши великое имя <...> яко прежде *княжением*, нынеж преславным еси *Государством* и <...> *царством* трехвенечным <...> в славу Триипостаснаго *единаго Божества в себе содержащим*» [Яворский: 147].

Древо Московского царства Ушакова отражает развитие еще одного сюжета, важного для Петра и представленного в проповеди Яворского, — пролитие драгоценной крови. На вопрос Яворского к России, как же она обрела великое имя, следовал ожидаемый ответ: «кровию сие имя стажася, кровию купися, от крове родися, кровию воспитася и возрасте кровию» [Там же]. На иконе эта концепция представлена буквально: именно «кровию», а не водой митрополит Петр поливает из кувшина древо Московского царства.

Далее в проповеди появляется еще множество деревьев, символически представляющих Россию. Различные риторические приемы вносят в этот образ динамику: царство-дерево

словно вырастает и расширяется на глазах у слушателя. Так, Яворский напоминает хорошо известную евангельскую метафору: «зерно горчичное», которое «есть меньше всех семян». В евангельской притче речь идет о царстве небесном, которое, как и зерно горчичное, вырастает в «великое древо». То же самое уподобление, — поясняет Яворский, — можно применить и к царству Российскому, если вспомнить его историю:

Вспомните себе сего царствия начатки, колика бяше его малость <...> Что же потом: досталось сие зерно в руки добрых земледельцев, Монархов Российских, начнут добре орати <пахать> железом Марсовым, начнут нивы Казанския, Астраханския, Сибирския мечем управляти <т.е. на языке проповеди — снова обрезать. — М. С.>, многотрудным потом и кровотоющими дождями орошати <...> Се зрите мое зерно горчичное <...> како великим сталося древом [Яворский: 157–158].

Образ древа, насажденного, возвращенного и политого кровью, трансформируется затем в ниву, которая тоже растет: сначала перечисляются уже названные «нивы Казанския, Астраханския, Сибирския, Кашмовския», затем проповедник призывает взглянуть на нивы новые, которые «возрасли» уже в царствование Петра: «зрите нивы Казикирменския, Таманския, Азовския, Шведския и прочая» [Там же: 158].

Символический ряд деревьев в проповеди завершается деревом-человеком, это — Петр: «вижду человека, аки древо насажденное при исходящих вод». Полную цитату из псалма («И будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет») Яворский заканчивает на «исходящих водах» и добавляет: «Марсом Российским даже до моря отверстых и очищенных» [Там же: 176]. Т.е. в слова псалма Яворский вносит тематику Обрезания: воды, как плоть, отверзаются и очищаются.

Древо-Петр на данном этапе идеологического строительства связан лишь с Москвой: древо насаждено было в Москве, и путь к морю открыт из Москвы (хотя параллель Шлиссельбурга, в буквальном смысле стоящего «при исходящих вод», напрашивается сама собой). В январе 1703 г. Яворский еще не

знает, что очень скоро псаломская тематика «речных устремлений, веселящих град Божий», переместится в новые северные пределы и что воплощенная в городе Новозаветная Скиния (так, как представлена у Яворского Москва) географически будет перенесена в Петербург — воплощенный парадиз Петра.

Именно по Москве проезжает и «колесница торжественная», о которой Яворский рассказывает слушателям во второй части слова. Колесница здесь — собирательный образ. Во-первых, колесница торжественная — сама проповедь: «хощу Божиею помощью триумфальную вам на въезд составить колесницу» [Яворский: 149]. Как в «ветхом» и новом Риме, — поясняет проповедник, — кесарям, возвращавшимся с победой, «составляли» колесницы, так и он составляет свое торжественное слово победителю-Петру. Во-вторых, четырехколесной колесницей в Древней Греции было принято изображать четыре времени года. Времена года — это колеса, «о коль скоро движимая» [Там же]. Яворский говорит слово в Новый год, и грядущий год он «по примеру ветхих мудрых еллинов» тоже хочет представить «во образе триумфальной колесницы» [Там же] (т.е. год еще только наступает, но у слушателей не остается сомнений: он будет триумфальным). И, наконец, самая главная колесница, представленная в слове — это колесница из пророчества: «только я начинаю помышляти о колеснице триумфальной, и се, мне предстоит пред очами чудная она колесница, Иезекилем виденная» [Там же: 150].

Яворский возвращается к отрывку из пророчества Иезекииля, но приводит его уже в более развернутом варианте, дополняя строками: «о колеснице что глаголет Иезекиль пророк: и видех на ней яко подобие престола, и яко видение сапфира, и образ Сына Человеческого на нем».

«Что ся вам мнит, слышателие, сия колесница», — спрашивает Яворский и отвечает словами толкователей — отцов церкви, — «чрез сию колесницу разумеют быти царство, государство, а наипаче благочестивое, православное, идеже <...> Христос Спаситель наш, и хвала его святая, благочестие святое проезжается и торжествует и триумфы строит» [Там же: 151].

Это толкование необходимо, чтобы показать: только что состоявшееся вшествие российских воинов в Москву «строится» и, в буквальном смысле слова, «проезжается» по примеру небесного триумфа. Более того, Яворский достраивает толкование, — он нарекает Иезекилевой колесницей Россию: «триумфальною Иезекилевою колесницею *нареку* тебе, преславная наша Монархия, тривенечное царство Московское» [Яворский: 151]. Это «наречение» возвращает слушателей к сюжету Обрезания, а вместе с ним и обретения новых земель. Здесь же, вслед за Яворским, слушатель созерцает Россию, к которой присоединены целые части света: «зрю широту Монаршества Российскаго полунощными и восточными странами мало не четвертою частию света владеющаго» [Там же].

И вот теперь Яворский приступает к детальному описанию самой колесницы. Сначала он напоминает слушателям, что на колеснице восседает Спаситель, а затем рассказывает о самых загадочных частях колесницы — колесах, которые, согласно Иезекиилю, были животными, «суть колеса многоочитыя, на все страны смотрящая и будущая <...> издалече мудрым оком зряща» [Там же: 152]. Вся последующая часть проповеди — это детальный рассказ о том, как образ четырех животных, виденных Иезекиилем, воплощается и в российском воинстве, и в царе Петре. «Божество Христа, — говорит Яворский, — изобразуется орлом, и сам Спаситель в Писании назван орлом: “яко орел покри гнездо свое и на птенцы своя вожделе”» [Там же: 153]. Но «сие знамение орлее» принадлежит и «высокой царской Монархов <...> российских породе». Даже и дом российских монархов «орлом украшается», а царь российский, как и царь Небесный, оберегает своих птенцов. Благодаря этому орлу высоко возносится вся российская колесница: «от славы в славу, от силы в силу, от победы в победу» [Там же] (примечательно, что все «ипостаси» триумфа, перечисляемые здесь, называются дважды: «от славы в славу» и т.д., так что триумф снова существует в двух пространствах: реальном и мистическом).

Лицо львово — это горячность, без которой не может быть «марсовой победительной жатвы» [Яворский: 156]; это мужество, и это — «неустрашенное сердце» [Там же: 166].

Лицо тельчее — готовность в бою идти на заклятие. «Всяк из вас, — обращается к воинам Яворский, — во уме своем глаголет», далее следуют строки псалма: «аз на раны готов, и болезнь моя предо мною есть выну» [Там же: 160].

Лицо же человеческое — сам человек в том виде, в каком предстал Христос перед Пилатом: «весь в ранах, весь в крови, голова в тернии, ризы кровию обагрены <...> се человек!» [Там же: 162].

Яворский резюмирует:

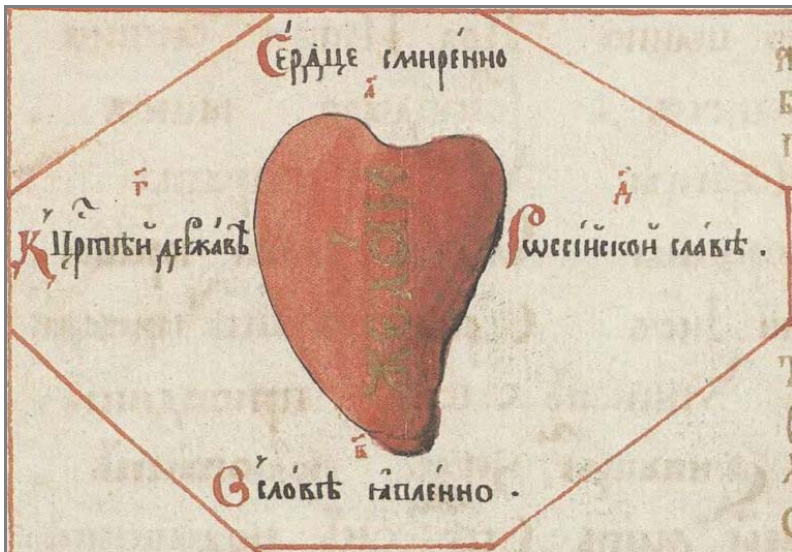
Все четыре лица вижду во едином лице <...>, в тривенечном монархе <...> Петре. <...> Вемы о том, яко в едином лице Христовом все четыре изобразуются херувима <...> Сообразно и лепо есть глаголати: в едином царском лице всех четырехличных вижду херувимов [Там же].

Т.е. царь Петр, как и царь Небесный, вбирает в себя все четыре качества, необходимых для существования триумфальной колесницы. Но это, конечно, не прямое и далеко не однозначное уподобление Петра Христу. Здесь значимо, что колесница Иезекииля — это снова пространство храма. Все части Иезекиилевой колесницы вместе складываются в центральный сюжет деисусного ряда главного иконостаса Успенского собора. Это — икона «Спас в силах», которая в главном кафедральном храме Москвы находится прямо над царскими вратами (т.е. слушатель видит колесницу Иезекииля прямо перед собой).

Очевидно, при взгляде на эту икону слушатель отмечал и особую последовательность, в которой Яворский раскрывал лики животных: орел, лев, телец, человек. В самом пророчестве Иезекииля, цитируемом выше, лики животных перечислены совсем в ином порядке: «лице человеческо, лице львово, лице тельчее, лице орлее». Выбранная Яворским последовательность как бы прочерчивала на иконе незримый, но при этом вполне явственный Х-образный, т.е. Андреевский крест, ставший символом и орденским знаком недавно учрежденного ордена.

Яворский использовал здесь характерный для барочной традиции прием, когда элементы текста или изображения складываются в крест, и крест имеет концептуальное значение. Самый яркий и близкий хронологически пример в этом ряду — эпиграмма Кариона Истомина «Книга любви знак в честен брак...», написанная в 1689 г. по случаю брака Петра I с Евдокией Лопухиной. Уже в самом начале «Книги» появляется изображение сердца. В центре его находится надпись «желаю», а вокруг сердца несколько отдельных букв и словосочетаний. Буквы (а–в–г–д) указывают, в какой последовательности следует эти словосочетания читать. Прочтение по заданному буквами порядку складывается в стихотворение:

Сердце смиренно
В слове явлено
К Царстей державе
Российской славе [Истомин: Л. 3 об.].

Но если проследить движение нашего взгляда при чтении по буквам-номерам, то это сердце оказывается осенено крестом: сначала сверху вниз, а потом слева направо от читателя. Это

невидимое присутствие креста на сердце подчеркивается и символикой восьми- и четырехугольников, в которые сердце вписано. Концепция Кариона Истомина, которую он развивает далее в «Книге», сводится к тому, что желания сердца, осененного крестом, должны розниться от желаний сердца до наложения на него креста. Вся книга посвящена воспитанию чувств молодого царя и очищающему значению брака как таинства и как института.

Вернемся к слову Яворского. Митрополит, уже посвятивший несколько проповедей апостолу Андрею Первозванному, и в этом новогоднем слове, «прочерчивая» таким образом незримый Андреевский крест, стремится подчеркнуть значение Андреевского креста и ордена для колесницы славы Российского государства.

Яворский выстраивает в проповеди пространство храма. Москва и Россия торжествующие — это тоже воплощенный храм, пространство, где есть и врата бессмертной славы, и триумфальная колесница, и победитель, восседающий на ней — «тривенечный царь» Петр. Москва как храм — земное воплощение царства и воинства небесного.

Митрополит Стефан нигде не говорит о рае или рае прямо. Но эта тема потенциально представлена в его проповеди. И хотя Яворский вспоминает в связи со взятием Шлиссельбурга именно ключи апостола Петра («ныне же Снейтембург нарицается Слисембург, то есть Ключ город, а кому же сей ключ достался: Петрови Христос обещал ключи дати. Зрите убо ныне, коль преславно исполняется обещание Христова» [Яворский: 170]), однако, как и образ древа, «насажденного при исходящих вод», проповедник не связывает эти ключи с географией невских берегов.

Яворский объясняет присоединение земель через переименование, и эта концепция, вне сомнения, будет важна для Петра весь последующий 1703 г., когда монарх будет давать новые названия завоеванным в Ингерманландии территориям. Позднее наречение именами Петр будет прямо связывать с темой парадиза и Адама, дающего всему имена.

В ряду церковных панегириков проповедь Яворского стала первой, где именно Шлиссельбург являлся ключом апостола Петра от райских врат. И очень скоро Петр приспособил этот ключ к своему новому «парадизу» — Санкт-Петербургу.

ЛИТЕРАТУРА

- Зелов: *Зелов Д. Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002.
- Истомин: *Истомин Карион.* Книга любви знак в честен брак. М., 1989.
- ПБПВ: Письма и бумаги Императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2.
- Погосян: *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.
- Яворский: *Стефан Яворский.* Проповеди: В 2 ч. М., 1804. Ч. 1.